

688 с.

7. Аверинцев, С. С. Собрание сочинений. Переводы: Евангелия. Книга Иова. Псалмы : пер. с древнегреч. и древнеевр. / С. С. Аверинцев; под ред. Н. П. Аверинцевой, К. Б. Сигова. – Киев : ДУХ І ЛІТЕРА, 2004. – 500 с.

8. Токарева, Г. А. Пол и плоть в поэзии У. Блейка: мифопоэтический аспект / Г. А. Токарева // Вестник КРАУНЦ (Камчатской региональной ассоциации Учебно-научный центр). – 2003. – № 2. – С. 17–29.

9. Blake, W. The First Book of Urizen / W. Blake. – N. Y. : Dover Publications, 1997. – 48 с.

Л. В. Шимонович,

студент (Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь)

БИБЛЕЙСКАЯ АРХТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ПОЭЗИИ ЛЕОНАРДА КОЭНА

***Аннотация.** В статье через призму библейской архетекстуальности рассматривается поэзия канадского поэта Леонарда Коэна на примере песен «На темных реках» (“By the Rivers Dark”) и «Аллилуйя» (“Hallelujah”). Леонард Коэн, помещая вечные сюжеты в новый контекст, а героев – в современные, зачастую свои личные обстоятельства, осмыслял мир и место человека в ней.*

***Ключевые слова:** Леонард Коэн; архетекстуальность; «осевой» архетекст; Библия; «На темных реках»; «Аллилуйя».*

L. V. Shimonovich,

Student (Belarusian State University, Minsk, Belarus)

BIBLICAL ARCHETEXTUALITY IN THE POETRY OF LEONARD COHEN

***Abstract.** In this paper, we examine the poetry of Canadian poet Leonard Cohen through the prism of biblical archetextuality using as examples such songs as "By the Rivers Dark" and "Hallelujah". Leonard Cohen, placing eternal plots in a new context, and heroes in modern, often personal circumstances, comprehended the world and the place of man in it.*

***Key words:** Leonard Cohen; archetextuality; “axial” archetext; The Bible; “By the Rivers Dark”; “Hallelujah”.*

Одним из важнейших смыслополагающих и текстопорождающих текстов европейской культуры является Библия. Согласно определению белорусской исследовательницы Г. В. Синило, Библия является «осевым» архетекстом европейской культуры и литературы (см. подробнее: [1]). И несмотря на кажущийся отход многих людей в XX–XXI вв. от религиозности, Библия продолжает влиять на современную культуру и литературу. Подтверждением этому является творчество канадского поэта, композитора и певца Леонарда Коэна (*Leonard Cohen, 1934–2016*).

Превосходным знанием Библии, Талмуда и Каббалы Леонард Коэн обязан своему происхождению. Коэн родился в одной из самых уважаемых и старинных еврейских семей в Канаде. Его прадедушка Лазарь (Элиэзер) Коэн эмигрировал в 1869 г. из Польши, где он был раввином. Несмотря на то, что в Канаде Лазарь Коэн стал успешным предпринимателем и фабрикантом, он продолжал активно участвовать в жизни канадского еврейства. Лион Коэн – сын Лазаря Коэна и дедушка Леонарда Коэна – не только унаследовал от своего отца талант предпринимателя, но и основал первую англоязычную еврейскую газету в Канаде – “*The Canadian Jewish Times*”, целью которой было помочь еврейским эмигрантам адаптироваться и интегрироваться в канадское общество. Он также учредил фонд помощи пострадавшим от еврейских погромов в Российской империи, основал комитет по

переселению беженцев в Канаду, был управляющим нескольких школ и больниц и в итоге стал президентом Канадского Еврейского Конгресса (*The Canadian Jewish Congress*) – организации, которая почти сто лет занималась защитой прав и интересов еврейской общины в Канаде.

Дед Леонарда Коэна по линии матери – Соломон Клоницкий-Клайн – был каунаским раввином, директором местной иешивы и талмудистом, семья которого эмигрировала из Литвы в США и Канаду в 1920-х гг. Леонард Коэн вспоминал, как, будучи подростком, читал Танах и более детально изучал Книгу Пророка Исаии под руководством своего деда. Вкупе с посещением еврейской воскресной школы каждую неделю он получил достаточно серьезное религиозное образование, что в те дни не было такой уж необычной ситуацией в семьях, для которых еврейская идентичность была так же важна, как и канадская.

По мере взросления и становления как поэта отношения Леонарда Коэна с местным сообществом становились все более неустойчивыми и достигли своего апогея в речи, осуждавшей ритуалы и религиозные практики общины за их косность, механизированность и бездуховность, которую Коэн прочитал в монреальской Еврейской публичной библиотеке в 1963 г.: *“I believe we have eliminated all but the most blasphemous ideas of God. I believe that the God worshipped in our synagogues is a hideous distortion of a supreme idea – and deserves to be attacked and destroyed. I consider it one of my duties to expose the platitude which we have created”* [2, p. 145] ‘Я уверен, что мы преодолели все, кроме самых богохульных идей о Боге. Я уверен, что Бог, которому поклоняются в наших синагогах, – ужасное искажение высшей идеи, заслуживающей того, чтобы быть атакованной и уничтоженной. Я считаю одной из своих обязанностей разоблачить ту банальность, что мы создали’.

Впоследствии Коэн не очень охотно обсуждал свои отношения с религией, но его религиозное мировоззрение полностью отражает взгляд на мир и человека в нем. Религиозность Леонарда Коэна не была связана с формальным соблюдением ритуалов и предписаний, а была, как отмечает автор книги «Леонард Коэн: музыкальные корни гения» (*“Leonard Cohen: The Mystical Roots of Genius”*) Гарри Фридман, «интроспективной и основанной на опыте, была способом удовлетворения стремлений его души, пространством для самоанализа и духовных поисков» [3, p. 8].

В стихах Коэна всегда ощущается множество влияний, его творчество лишено какой бы то ни было монохромности и однозначности, а, наоборот, открыто для большого количества интерпретаций. Это подтверждается не только выдающейся религиозной, но и литературной эрудированностью автора: он восхищался Гомером, Джоном Милтоном, Данте, Уильямом Вордсвортом, а также царем Давидом.

Среди главных вдохновителей Леонарда Коэна – выдающийся испанский поэт и драматург Федерико Гарсиа Лорка, который поразил еще юного пятнадцатилетнего Коэна своим чувственным стилем и живыми образами. Песня «Прими этот вальс» (*“Take This Waltz”*) – перевод стихотворения Гарсии Лорки «Маленький венский вальс» (*“Pequeño vals vienés”*).

Близкими для Леонарда Коэна оказалось творчество и судьба персидского поэта-суфия Джаллаладина Руми. Коэн понимал то чувство отчуждения и невозможность почувствовать себя своим в принимающей культуре, которые испытывал поэт XIII в. Поэзия Руми, выражающая мистическую красоту природы, повлияла на песни «Гость» (*“The Guests”*), «Окно» (*“The Window”*) о чем говорит сам Леонард Коэн в примечаниях к альбому “Recent Songs”.

«На темных реках» (*“By the Rivers Dark”*) – авторская интерпретация известного Псалма 136/137-го «На реках Вавилонских...». Псалом повествует о временах вавилонского пленения (VI в. до н. э.), о том, как евреи никогда не забывали о Иерусалиме и вере в единого Бога на чужой земле. Сердца пленников полны любви к родине и памяти о ней: «Если я забуду тебя, Иерусалим, – забудь меня десница моя; // Прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего» (*Пс 136:5–6*).

Интерпретация Леонарда Коэна значительно отличается от библейского текста. Само представление о Вавилоне как о городе грехов у поэта сформировалось благодаря Откровению Иоанна Богослова: «Вавилон великий, мать блудниц и мерзостям земным» (*Иоан 17:5*). Вавилон – олицетворение неумного гедонизма,

похоти, вещизма и продажности. В своей ранней песне «Прошлогодний человек» (“*Last Year’s Man*”) Коэн поет о свадьбе Вифлеема и распутного Вавилона. В песне «Это то, чего ты хотел?» (“*Is This What You Wanted?*”) также упоминается Вавилон все с тем же презрением.

В своем личном псалме Леонард Коэн рассказывает историю человека, который бродит по рекам Вавилонским, пытаясь привыкнуть к местной культуре, ассимилировать с ней, принять этот образ жизни. В отличие от библейских пленников, которые сознательно отказываются петь песни Господа на чужой земле («На вербах, посреди его, повесили мы наши арфы. // Там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши – веселья: “пропойте нам из песней Сионских”. Как нам петь песню Господню на земле чужой?» (Пс 136:2–3), главный герой коэновского псалма напрочь эту песню забывает: «*And I did forget / My holy song*» [4] ‘И я позабыл / Свою священную песнь’ (здесь и далее подстрочный перевод наш. – Л. Ш.).

Версия Леонарда Коэна – не плач, а песнь изгнанника, который оказался настолько поглощен другой культурой, что забыл, откуда он пришел и кто он есть на самом деле. Но несмотря на убежденность изгнанника в том, что он смог стать своим в чужой культуре, он не находится в безопасности, но остается все таким же неприкаянным и беззащитным: «*By the rivers dark / Where I could not see / Who was waiting there / Who was hunting me*» [4] ‘На реках темных, / Где я не мог увидеть, / Кто поджидал меня там, / Кто охотился за мной’. Коэновский изгнанник, как и ассимилированные евреи довоенной Германии, удивлен, что коренное население все еще не считает его местным и равным себе. Он – добыча, которую постигнет участь всех тех, кто отличается от других в грешном Вавилоне.

Пленники в библейском псалме дали клятву Богу: пусть у них отсохнет правая рука и языки прилипнут к нёбу, если они забудут Иерусалим. Изгнанник в песне Леонарда Коэна такой клятвы не давал, но наказание такое же – он ранен и изуродован. Он не только не может петь священную песню, но он не может воспользоваться «благами» темной реки: «*And he cut my lip / And he cut my heart / So I could not drink / From the rivers dark*» [4] ‘И Он ранил мои губы, / И Он ранил мое сердце, / Так что я не мог напиться / из темной реки’. На мгновение изгнанник видит свое буквально «беззаконное» (“lawless”) сердце, забывшее законы Торы, которым обязано было следовать. Он также видит обручальное кольцо – символ мистического союза между Богом и человеческой душой: «*Then he struck my heart / With a deadly force / And he said, “This heart: / It is not yours”. / And he gave the wind / My wedding ring: / And he circled us / With everything*» [4] ‘И затем Он поразил мое сердце / Со смертоносной силой / и сказал: “Это сердце – / оно не твое”. И Он отдал ветру / Мое обручальное кольцо, / И Он кружил вокруг нас / Вместе со всем важным’. Союз с Богом разорван, и изгнанник дает клятву уже не Иерусалиму, как пленники из Псалма, а Вавилону: «*Be the truth unsaid / And the blessing gone / If I forget / My Babylon*» [4] ‘Да не будет сказанной правда, / Да исчезнет благословление, / Если я забуду / Мой Вавилон’.

«На темных реках» (“*By the Rivers Dark*”) – полная глубокого смысла песня о самосознании, идентичности и сложности их сохранения в совершенно новых культурных условиях. Это песня о моральной дилемме, которая встает перед человеком-изгнанником: остаться навсегда неприкаянным и чужаком для новой культуры или отречься от своего прошлого и без всяких возражений принять нормы и ценности новой культуры, родиться для нее заново.

«Аллилуйя» (“*Hallelujah*”) – не просто одна из самых знаменитых песен Леонарда Коэна, но и одна из самых знаменитых песен вообще. На ее создание Коэн потратил пять лет, написав восемьдесят разных версий текста, но так и не смог прийти к единой. «Аллилуйя» и самим автором исполнялась всегда по-разному (неизменным оставался только последний куплет), и другими исполнителями, которые перемешивали тексты из разных версий или вовсе заменяли своим.

В этой песне Леонард Коэн оригинально связывает две библейских истории – о Самсоне и Далиле и царе Давиде и Вирсавии. Начальные строки – «*You saw her bathing on the roof / Her beauty in the moonlight overthrew ya*» [5] ‘Ты увидел ее, купающуюся на крыше, / И ее красота в лунном свете повергла тебя в шок’ – указывают на эпизод в жизни царя Давида, который оказывается роковым и после которого его настигают одна беда за другой:

«Однажды под вечер Давид, встав с постели, прогуливался на кровле царского дома, и увидел с кровли купающуюся женщину; а та женщина была очень красива» (2 Цар 11:2). Это была Вирсавия – жена царского гвардейца Урии. Чтобы оставить их связь в тайне и не навлечь позор ни на Вирсавию, ни на себя, Давид отправляет ее мужа, находившегося тогда в армии, осаждавшей столицу аммонитян Раббу, на самый опасный участок военных действий. Давид прекрасно знает, что он совершает грех, что Урия погибнет, но охватившая страсть заставляет его забыть Закон. Тогда пророк Натан, когда-то благословивший царя Давида, становится его обличителем и предостерегает, что этим поступком Давид навлек беду на себя, свою семью и свой народ: «Так говорит Господь: вот, Я воздвигну на тебя зло из дома твоего, и возьму жен твоих пред глазами твоими, и отдам ближнему твоему, и будет он спать с женами твоими пред этим солнцем. // Ты сделал тайно; а Я сделаю это пред всем Израилем и пред солнцем» (2 Цар 12:11–12).

Для того, чтобы аллегорично указать на беды, которые в скором времени постигнут царя Давида, Леонард Коэн вводит историю предательства Самсона Далилой: «*She tied you to a kitchen chair / She broke your throne, and she cut your hair* [5] ‘Она привязала тебя к кухонному стулу, / Она разрушила твой трон и обрезала твои волосы’». Самсон был назиром, вся сила которого заключалась в волосах: «И он открыл ей все сердце свое, и сказал ей: бритва не касалась головы моей, ибо я назорей Божий от чрева матери моей; если же остричь меня, то отступит от меня сила моя; я сделаю слаб и буду, как прочие люди» (Суд 16:17). Как Самсон доверился женщине, которая стала причиной его бед, так это произошло и с царем Давидом. Хотя стоит отметить, что несмотря на какое-то внешнее соответствие, в историях все же есть отличия. Так, в истории Самсона первостепенная роль врага отводится коварной Далиле, а в истории Давида – самому Давиду и его недалекости. Но общим остается неумение мужчин обуздать свои чувства.

Но, так или иначе, слова «она разрушила твой трон» указывают и на смерть старших сыновей Давида – Амнона и Авессалом, и ребенка от Вирсавии, и на последующий распад Израильского царства после смерти Соломона – второго сына Давида и Вирсавии. А упоминание «обрезанных волос» указывает на то, как погиб Авессалом. Хотя волосы не были обрезаны, они стали причиной его гибели: «И встретился Авессалом с рабами Давидовыми; он был на муле. Когда мул вбежал с ним под ветви большого дуба, то Авессалом запутался волосами своими в ветвях дуба и повис между небом и землею, а мул, бывший под ним, убежал. <...> Иоав сказал: нечего мне медлить с тобою. И взял в руки три стрелы и вонзил их в сердце Авессалом, который был еще жив на дубе» (2 Цар 18:9, 14). Тем не менее парадокс: хотя «она разрушила трон», без Вирсавии и любви к ней Давида не продолжилась бы мессианская династия, невозможно было бы упование для иудеев и для христиан на пришествие Мессии.

Завершает свою песню Леонард Коэн собственными размышлениями о парадоксальной природе слов и имен, о смирении. В 1988 г. Леонард Коэн вообще переписал текст, убрав из него библейские аллюзии: “*It was a song that had these references to the Bible in it, although these references became more and more remote as the song went from beginning to end. And finally: I understood that it was not necessary to refer to the Bible any more. And I rewrote the song*” [6] ‘Это была песня с отсылками на Библию, хотя они и становились все более и более отдаленными по мере исполнения песни от начала до конца. И в конце концов я понял, что больше нет надобности в обращении к Библии. Так что я переписал песню’. Однако самая главная библейская аллюзия все же осталась: это возглас «Аллилуйя!», повторяющийся в псалмах и означающий «Восхвалим Господа!». Это песня о противоречивом и неоднозначном мире, в котором невозможно четкое разделение на черное и белое, в котором иногда остается лишь распахнуть объятия и просто, с мольбой или благодарностью, воскликнуть «Аллилуйя!».

Хотя поэзия Леонарда Коэна считается загадочной, таинственной и часто даже малопонятной, сам автор не считал свое обращение к библейской традиции элитарным. Он утверждал, что для понимания его стихов не нужно очень глубокое знание библейских сюжетов, их тонокостей и нюансов. Наоборот, Коэн пытается найти точки соприкосновения.

Несмотря на то, что поэту не нравились разговоры о том, что его музыка имеет какую-то духовную или религиозную цель, фамилия Коэн, указывающая на происхождение из древнего рода священнослужителей – потомков первосвященника Аарона, все-таки в каком-то смысле предопределила его судьбу.

Поэтика Леонарда Коэна не ограничивается исключительно библейскими аллюзиями. Будучи очень образованным, он мог в своем творчестве углубляться в темы Талмуда, Каббалы, религиозную философию Мартина Бубера. А подход к библейским отсылкам отличается характерной оригинальностью и новизной. Поэт обращается к известным сюжетам, чтобы на их основе создать современный фольклор, помещает знаменитых библейских героев в новый контекст – прежде всего с целью осмысления современности, места и роли человека в ней.

Список использованной литературы

1. Синило, Г. В. Библия как “осевой” архетекст европейской литературы (на примере немецкой лирической поэзии) / Г. В. Синило // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2017. – № 3. – С. 19–29.
2. Siemerling, W. Leonard Cohen. Loneliness and History: A Speech Before the Jewish Public Library / W. Siemerling // Take This Waltz: A Celebration of Leonard Cohen / M. Fournier, K. Norris (eds). – Winnipeg : The Muses' Company, 1994. – P. 143–153.
3. Freedman, H. Leonard Cohen: The Mystical Roots of Genius / H. Freedman. – London : Bloomsbury, 2021.
4. Cohen, L. By the Rivers Dark / L. Cohen. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://genius.com/Leonard-cohen-by-the-rivers-dark-lyrics> – Дата доступа: 19.10.2022.
5. Cohen, L. Hallelujah / L. Cohen. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://genius.com/Leonard-cohen-hallelujah-lyrics> – Дата доступа: 18.10.2022.
6. Cohen, L. Leonard Cohen about the Meaning of Hallelujah / L. Cohen. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://youtu.be/cSV6_JzHbu8 – Дата доступа: 15.10.2022.

Г. А. Широкова,

аспирант, ст. преподаватель (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

БИБЛЕЙСКИЙ АДАМ КАК ПРООБРАЗ АДАМА БИДА: СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ И РОМАН ДЖОРДЖ ЭЛИОТ

***Аннотация.** Статья посвящена анализу творчества английской писательницы Джордж Элиот. Отмечается значительное влияние идей Л. Фейербаха на концепцию ее произведений, обусловленное глубоким интересом к теме религии. Сделан вывод, что в ее произведениях содержатся многочисленные отображения человеческих поступков, совершенных под бременем выбора. Особое внимание уделяется анализу романа «Адам Бид», где прообразом главного героя, без сомнения, послужил библейский Адам. В произведении отображена этическая система, центральным звеном которой является труд и работа, также проанализировано отношение к религии и природе. Подробно описываются отношения Адама с главной героиней романа Хетти Соррель. Адам Бид является для писательницы главной иллюстрацией того, как человек может развить истинно человеческую, нравственную ориентацию.*

***Ключевые слова:** английский реализм; английский роман; Дж. Элиот; Адам Бид; образ персонажа; характер героя; этическая система; религия.*

G. A. Shirokova,